

№ 99. М. КОРН. ЕЩЕ К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ И ЭКОНОМИКЕ [132]

Кому из нас не приходилось задумываться над «роковой задачей» отношения теперешнего русского революционного движения к нашему экономическому и политическому идеалу? Кто не мучился над вопросом о том, каково в происходящей борьбе положение социалиста; каково, в особенности, положение анархиста? Трудный и сложный вопрос «политики» и «экономики» стал перед нами с самого начала нашей деятельности в России. Борьба, идущая у нас, — и экономическая, и политическая; но если оставить в стороне крестьянство, среди которого нашим товарищам до сих пор работать почти не приходилось, то во всех остальных классах общества экономическая борьба отстывает на задний план перед политической задачей свержения самодержавия.

Этой политической задаче служат даже такие, по существу, экономические движения, как рабочие стачки. На знамени же политического движения написаны конституция, учредительное собрание, республика и прочие лозунги, для анархиста положительной цены не имеющие. Бороться с самодержавием — прекрасно; но не значит ли это — бороться вместе с тем за идеал «правового государства», идеал, лишенный для нас всякого обаяния? Как выйти из этого противоречивого положения?

Вот вопрос, который всегда ставили себе наши товарищи, и не находили на него такого ответа, который удовлетворил бы их потребность последовательной мысли и их потребность в активной борьбе.

Видя, как все силы массового рабочего движения уходят на чисто политические манифестации, как, в области экономической, самые крупные рабочие стачки не идут дальше требования ничтожных улучшений, как отодвигается на задний план социалистическая идея в деятельности крайних партий, наши товарищи прежде всего стали пытаться противодействовать такому понижению роли и размаха совершающейся революции. Но не впали ли они, по крайней мере в теории, в некоторую противоположную крайность, ставя всякое экономическое движение выше всякого политического? Если мы оглянемся на содержание нашей пропаганды в России, то не окажется ли, что мы, подчеркивая наше оппозиционное отношение к другим партиям, упустили из виду ту бесспорную, хотя, может быть, для некоторых и кажущуюся парадоксом истину, что анархисты, в сущности, — наиболее «политики» из всех социалистов, так как для них освобождение личности от государственного ига играет не меньшую роль, чем ее

освобождение от гнета экономического. Почему мы не миримся с идеалом социал-демократического государства, которое, во всяком случае, поднять уровень экономического благосостояния может? Именно потому, что мы не чистые экономисты. Повсюду в Западной Европе и Америке анархисты боролись с обеими формами угнетения: с капитализмом и государством. Рядом с революционными стачками и актами «экономического» террора мы находим в их деятельности такие яркие акты политического протеста, как убийство итальянского короля или испанского министра Кановаса. И никто, конечно, не скажет, что Анжиолилло или Бреши были либералами и отдали свою жизнь ради достижения испанской или итальянской республики¹³³. Грядущая социальная революция — в представлении именно анархистов — не будет революцией чисто экономической, она начнет с экономического акта, с экспроприации, но, вместе с частной собственностью, уничтожит и государство. Вот почему не нужно впадать в односторонность по отношению к происходящей революционной борьбе: эта борьба необходима не для того, чтобы современный строй заменился строем конституционным, а для того, чтобы рядом протестов против наличной государственной формы, против наличного гнета сделать возможным восстание против всякого гнета. Расширять эту борьбу до таких пределов, не давать ей успокоиться, не давать установиться не существующему еще пока в России культу закона и легальности — дело анархистов. Ту часть этой работы, которая касалась критики грядущего парламентаризма, наши товарищи все время вели и ведут в России; но это — не самая трудная часть. Это — начало, а затем ведь нужно показать, к какой освободительной борьбе мы призываем, и притом призываем сейчас; какова намеченная нами цель и каков наш план действий по пути к ней.

Упустить это из виду, сосредоточиться только на критической стороне задачи — в высшей степени опасно: можно вызвать разочарование в поставленных целях и принятых способах борьбы, не дав взамен их новых, и вместо того, чтобы поднять революционный дух, вызвать, наоборот, упадок его.

Нужно сказать, что в этом отношении работа наших товарищей в России страшно трудна, хотя бы уже потому, что каждому приходится целиком продумать все самому, и не только продумать, но и найти средства пропаганды. Положительная часть нашей программы для России до сих пор была разработана мало. Имеющаяся у нас литература носит почти исключительно теоретический характер и имеет целью ознакомление с основными идеями и целями анархизма. О практических путях и средствах борьбы в ней говорится, ввиду этого, лишь в очень общей форме: постольку, поскольку это нужно. Для обрисовки практических выводов из известной принципиальной точки зрения. Наши западноевропейские товарищи в этом отношении находятся в лучших условиях: современное рабочее движение вызвало (особенно во Франции и в Испании) целую литературу о всеобщей стачке, рассматриваемой как начало социальной революции, а анархисты располагают для своей пропаганды целым рядом данных — брошюр, газетных статей, докладов на съездах, в которых разбираются те меры, которые предстоит принять рабочим в момент, когда удачное революционное движение сделает их господами положения.

Было бы в высшей степени важно, если бы наши товарищи в России подумали о выработке такого рода практических программ, в соответствии с особенностями положения и момента, и чтобы при новом взрыве массового движения они не оказались лишь участниками —

может быть, более решительными, более непримиримыми — борьбы, вдохновляемой не их лозунгами, а могли бы внести в это движение и свою собственную мысль.

Мысль, что анархисты — лишь провозвестники будущего, время которого еще не пришло, апостолы далекого от осуществления идеала — мысль очень распространенная среди людей, «сочувствующих» анархизму. С кличкой мечтателей и утопистов мы всегда легко мирились, и она нас нисколько не задевает. Но что серьезно глубоко трагично по существу, это — следы той же мысли у самих наших борцов.

Кому из нас не случалось слышать, как с болью, чуть не со слезами на глазах, говорится при вести о новых потерях, о новых казнях: «Еще и еще раз погибли лучшие товарищи, и все какие ценные молодые жизни, какие чистые типы нравственной красоты! И подумать только, что все это — пушечное мясо, что этими самоотверженными руками загребают жар одна только либеральная буржуазия! Если бы они погибали хоть для нашего идеала, если бы они хоть могли видеть, за что отдают свою жизнь!» И нужно заметить, что ни одного не остановило это, ни один не пожалел себя; везде и всегда анархисты оказывались там, где всего сильнее кипит борьба.

Остановимся, однако, на минуту, отвлечемся от привычных, шаблонных, принятых мнений и спросим себя: действительно ли русская революция должна привести всего-навсего к господству либеральной буржуазии? Действительно ли мы переходим, согласно известной исторической теории, в ту самую стадию общественного развития, в которую сто лет тому назад перешла Франция?

Если стоять на фаталистической точке зрения ортодоксального марксизма, то, конечно, надо ответить утвердительно; но если мы от этой точки зрения отрешимся и постараемся рассуждать вне ее, то что мы увидим? Русская революция совершается в момент, когда во всем человечестве идет движение под знаменем социализма.

В продолжение всего XIX века выработывалась, на почве разочарования в экономических результатах Французской революции, социалистическая идея. Она родилась в рабочих массах Западной Европы, а оттуда перешла в Россию, сначала в передовую интеллигенцию, затем, по мере изменения общих экономических и культурных условий, и в рабочие массы.

В настоящее время русский рабочий стоит на уровне западноевропейского и ни в своей жизни, ни в своих идеалах не воспроизводит того, чем был француз XVIII века, как и социализм русских социалистов не имеет ничего общего с идейными веяниями современников Великой Революции. Россия не была отделена китайской стеной от остального мира; она развивалась с ним вместе и не может поэтому повторять, повинувшись исторической схеме, то, что происходило в других странах 100 или даже 50 лет тому назад. Раз социализм встал, как цель, перед всем человечеством, Россия, как участница общего движения, не может сознательно отвернуться от него, не может остаться вне хода современной истории.

В России ставятся те же вопросы; те же, как и повсюду, задачи ее движения. А раз задача поставлена — значит, она осуществима; раз была возможность, была почва для ее

постановки, то, значит, есть возможность и для ее проведения в жизнь.

Но это проведение в жизнь требует усилий людей; оно возможно, осуществимо в той мере, в какой эти усилия приложены; оно — не мечта в той мере, в какой сами деятели не считают его мечтой. Учесть шансы того или другого течения в революционное время ускоренного темпа жизни — более чем угодно, и лучше ошибиться в сторону переоценки своих сил, чем наоборот.

Излишней смелости мысли и дела быть не может, а недостаток их может быть очень вреден. Предоставим самой жизни урезать то, что окажется преждевременным или неприложимым; она всегда сделает это, более чем в достаточной мере. Наше дело — стремиться к достижению как можно более широко поставленных целей, к достижению нашего идеала во всей его полноте, а степень проведенного в жизнь будет соответствовать степени энергии нашей работы и нашей веры в победу. И как бы много разочарований ни встречало нас на пути, будем помнить великие слова Лаврова: «Побежден лишь тот, кто признает себя побежденным!»

Русская Революция и Анархизм... Лондон, 1907. С. 26—32.

Версия #1

□□□□□□□□ □□□□□□□□ создал 28 февраля 2026 16:26:01

□□□□□□□□ □□□□□□□□ обновил 28 февраля 2026 16:26:23